

© 2020

Юрий Лиференко

кандидат экономических наук, доцент
Тверского государственного университета
(e-mail: Liferenko69@yandex.ru)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕДНОСТЬ И ПУТИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Бедность населения в России сегодня является одной из острейших экономических, социальных, политических, а, следовательно, и научных проблем, причем пути ее преодоления проработаны явно не достаточно. Необходимо углублять подход к выявлению причин бедности, выявляя их прежде всего в особенностях современной социально-экономической системы страны. Именно особенности системы делают экономику страны слабой, а население — бедным.

Ключевые слова: бедность, монополия и конкуренция, социально-экономическая структура, распределение национального дохода, прибыль, заработная плата и инвестиции, спекулятивная экономика.

DOI: 10.31857/S020736760009182-9

О понятиях «бедность» и «уровень бедности». Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 поставлена задача снижения в два раза уровня бедности в РФ. Естественно, по этому поводу возникают вопросы: кто такие бедные?, что такое уровень бедности?, в чем заключаются причины бедности и как реально избавиться от этого негативного явления?

В России, в том числе и в высших органах власти, сложилось устойчивое мнение, что бедными являются порядка 20 млн человек (13,5% населения страны). Это те граждане, доход которых в расчете на человека меньше официального прожиточного минимума. Считается обычно, что с бедностью чаще всего сталкиваются многодетные и неполные семьи, инвалиды, одинокие пенсионеры и люди, которые не могут найти работу с достаточным заработком (ее либо просто нет, либо у человека не хватает квалификации). В результате возникает некоторая ущербность целых социальных слоев, которые своим трудом, без помощи со стороны, обеспечить себя достаточными средствами для безбедной жизни не могут. Социальное государство, безусловно, должно не допускать такой ситуации и преодолевать ее, если она появляется.

Очевидно, что не только эти вышеназванные причины порождают бедность граждан страны. Так, в одном из обращений к Федеральному собранию президент В. Путин привел статистику, согласно которой в 2000 году за чертой бедности находились 42 млн человек — 29% населения страны. «В 2012 году нам удалось снизить этот уровень до 10%, а из-за последствий экономического кризиса бедность вновь подросла: сегодня с ней сталкиваются 20 млн граждан»¹. Следует полагать, что сокращение числа бедных с 42 млн человек (29%) до 10% и увеличение

¹ <https://www.rbc.ru/politics/01/03/2018/5a97c76d9a794759527f2faf#> Политика, 01 мар. 2018.

бедности вновь до 20 млн человек не могло происходить только по упомянутым выше индивидуальным причинам. В. Путин называет не только эти индивидуальные, особенные причины, но и другую причину бедности — *одну* для всех — экономический кризис. Бедность растет из-за уменьшения доходов всех граждан, независимо от индивидуальных особенностей людей, их семей.

Вывод из этих фактов следующий. Причины «бедности» нельзя трактовать однозначно. Есть много *индивидуальных, особенных* для каждого человека (семьи). Но есть *общая для всех* (не только уязвимых, но и всех других людей) причина бедности. И смешивать их, рассматривать в одной плоскости нельзя. Это смешение вызывает ошибочное представление о сущности бедности населения в стране и мерах борьбы с нею.

Предпринимаются попытки дифференцировать причины бедности. Так, Л. Ржаницина выделяет две фундаментальные причины бедности людей. Первая — экономическая (низкие доходы — заработная плата, пенсия, выплаты по социальному страхованию). Вторая — демографическая (нетрудоспособные иждивенцы — дети, инвалиды, пожилые) [20. С. 69]. Это — плодотворная идея. Однако вторая причина сводится только к демографическим факторам. Но кроме демографических факторов имеется большое разнообразие и других индивидуальных причин бедности, таких как здоровье некоторых людей, не позволяющее им плодотворно трудиться и обеспечивать себе безбедный образ жизни; алкоголизм; неудачный выбор профессии; везение или невезение в семейной или общественной жизни; склонность к тунеядству. И так далее. Есть среди особенных факторов и один закономерный — это старость. Но причина ее не общественная, не экономическая, а физиологическая. В преклонном возрасте человек лишается трудоспособности и заработков. Однако причиной бедности старость быть не может, не должна. Очевидно, в цивилизованном обществе этот тезис нельзя оспаривать.

Для анализа явления бедности и ее причин необходимо выработать *критерий* деления бедности применительно к двум группам. В одну группу бедных включаются те граждане (семьи), величина дохода которых зависит от особых индивидуальных обстоятельств (где «причины у каждого свои»). В другую группу предлагается включить тех бедных граждан, жизнь которых не зависит от многообразных особых обстоятельств. Доходы этой второй группы зависят, во-первых, от степени развития экономики страны, эффективности использования ресурсов и, в конечном счете, от величины национального дохода на душу населения; во-вторых, от особенностей социально-экономической системы, в частности от системы распределения национального дохода.

Изложенные обстоятельства позволяют выделить два понятия бедности. Первый вид бедности — *«индивидуальная бедность»*, которая обусловлена массой экономических и неэкономических обстоятельств, которые у каждого человека (семьи) разные. Второй вид бедности, причина которой для всех бедных одна и та же, чисто экономическая — низкий уровень доходов гражданина, семьи. Этот вид бедности носит

массовый характер и потому его можно назвать **«народной, национальной бедностью»**. В дальнейшем мы будем рассматривать «национальную бедность».

Способы борьбы с бедностью двух этих видов бедности принципиально разные. С *индивидуальной бедностью* государство в основном борется так: Одним бедным: больным, инвалидам, пожилым, государство материально помогает, в основном перераспределяя доходы через госбюджет. С другими, такими как алкоголики, наркоманы, и др., борется. Множится группа тунеядцев, с которыми также следует также бороться².

Между прочим, в мире имеется две принципиально разные системы помощи государства своим гражданам. В большинстве стран мира существуют страховые системы здравоохранения, пенсионного обеспечения и др. Пример с пенсиями: до наступления пенсионного возраста с гражданина взимаются деньги в пенсионные фонды, а с наступлением старости государство ему выплачивает пенсию. В Сингапуре же, например, совсем другая система обеспечения жизни в старости [24]. В течение трудовой жизни государство помогает, заставляет гражданина накапливать часть заработанных денег, одновременно превращая их в капитал (например, в ценные бумаги). И уже в пенсионном возрасте гражданин живет за счет процентов на заработанный в предыдущее время капитал (практически — рантье). Существенная разница этих систем в том, что в страховой системе при наступлении пенсионного возраста государство берет на себя ответственность обеспечения человека только в старости. В сингапурской системе, наоборот, с государства, помогавшего человеку в трудоспособном возрасте накопить капитал, при наступлении пенсионного возраста снимается ответственность за обеспечение его в старости.

В России считают, что бедными у нас являются только 20 млн человек. А остальные будто бы не бедные. Это не так. 20 млн граждан (13,6% населения страны) — это официально бедные, нищие. Но кроме нищих есть еще огромное количество других бедных. По данным Росстата «у 48,2% семей в России нет финансовой возможности приобретать товары длительного пользования — денег хватает только на еду и одежду»³. И причислить их, допустим, к среднему классу, нет никаких оснований. Но нельзя считать, что почти 35% (48,2%–13,6%) граждан России бедные из-за того, что у них много детей или они фатально больны. Подавляющее большинство их вполне здоровы, трудоспособны и трудолюбивы, причем обеспечены работой, а их семьи нередко многодетны. Но бедны. Поэтому и борьба с таким количеством бедных преимущественно путем оказания государством материальной помощи, практически невозможна.

² К сожалению, в соответствии со статьей 37 Конституции РФ п. 2 («Принудительный труд запрещен») тунеядство не запрещается, а можно сказать поощряется. По нашему мнению, этот пункт статьи несовершенно, ведь тунеядцы фактически принуждают к труду на себя тех, кто их содержит.

³ РБК: rbc.ru/economics/28/05/2019/5cebd9cf9a79474ebd28be0c.

Есть еще одна категория семей, которую безосновательно было бы отнести к богатым или к средним. Федеральная служба государственной статистики провела исследование с целью выяснить, какой доход необходим российским семьям для того, чтобы «свести концы с концами». Из данных Росстата следует, что 79,5% (почти 80%) испытывают трудности при покупке самого необходимого⁴.

Таким образом, более полное и достоверное представление о бедности в России дало бы разделение ее на три степени. Высшая, *первая степень бедности* — это нищие (13,6% семей). *Вторая степень* бедности (полунищие) составляет 35% семей. На *третью степень* приходится 30% бедных семей.

В основу деления *бедных* на три степени положен уровень удовлетворения потребностей граждан. Однако возможны и другие критерии, например, размер доходов на душу населения, структура и качество потребляемых благ, величина денежных накоплений и др. По уровню доходов *всего населения* страны (не только бедных, но и всех остальных) предлагается следующая традиционно трехслойная модель статификации общества. Первый слой: почти 80% — бедные. Оставшиеся 20% делят между собой средний класс (очень тонкий слой) и богатые. На вершине пирамиды доходов в России находится несколько сотен супербогатых монополистов, представителей «199 юридических лиц, на которые приходится 70% валового национального дохода» [22. С. 9]. Следует признать, что не только и не столько 13% нищих определяют уровень бедности в стране, сколько указанные 80% бедных граждан.

Выдвигаемая властью задача — «сокращение уровня бедности в два раза» либо носит агитационный характер, либо связан с недостаточно полным пониманием масштаба проблемы бедности. Действительно, уменьшение числа нищих в два раза означает лишь небольшое повышение доходов (выше прожиточного минимума) только у 10 млн человек (7% граждан). Поскольку экономика до сих пор практически стагнировала, то рост их доходов может происходить только за счет уменьшения доходов среднего класса и бедных третьей степени, т.е. за счет перераспределения доходов в пользу нищих за счет тех же бедных и среднего класса. В целом же объем доходов и уровень потребления населения не изменится. Никакого сокращения бедности в стране не будет. Для страны такое решение проблемы бедности неприемлемо.

Следовательно, проблема бедности может решаться только при условии повышения доходов *всех бедных*. Реальное сокращение бедности в стране в два раза предполагает увеличение доходов всех бедных в два раза. Если бы их доходы росли, допустим, темпом в среднем 5% в год, то эта задача была бы решена за 15 лет. Но при существующих темпах роста экономики ее решения должны были бы ждать два-три поколения, что, конечно, никого удовлетворить не может.

В рыночной экономике юридические и физические лица получают доходы в основном в денежной форме. В нашей стране 80% граждан

⁴ <https://www.rbc.ru/economics/03/04/2019/5ca35e979a7947004fecc392>.

являются наемными работниками, следовательно, основным видом дохода является заработная плата. Поэтому борьба с бедностью должна быть направлена, прежде всего, на рост зарплаты, особенно если учесть, что, по мнению С. Глазьева, «по уровню заработной платы на единицу производимой продукции Россия опустилась на одно из последних мест в мире, демонстрируя, казалось бы, навсегда забытые картины чудовищной эксплуатации рабочего класса образца XIX века» [6. С. 238].

Все понимают, что определяющим условием роста зарплаты является быстрый рост производительности труда. Но способность современной социально-экономической системы обеспечивать этот рост сужается, и не только в России. Это наблюдается во многих странах развитого капитализма. Например, «реальный сектор американской экономики не развивается, уровень жизни уже длительное время не растет» [6. С. 8].

Известно, что для нормального роста производства благ необходим полный набор ресурсов. В рыночной экономике обычно выделяют четыре основных вида ресурсов: труд, капитал, земля и предпринимательские способности. В России сейчас наиболее дефицитен *капитал*, деньги. Кроме этого в реальной рыночной экономике необходим ее важнейший двигатель — *конкуренция*. Но именно этот фактор в современной России наименее представлен. Поэтому проблема борьбы с бедностью трансформируется в проблему роста и развития экономики.

Структура социально-экономической системы. Для решения этой проблемы следует рассмотреть современные особенности социально-экономической системы. Сущность современного общественного строя — капитализм. Но по сравнению с капитализмом 18–19 веков он претерпел серьезные изменения, появились новые черты капитализма. *Первое*, капитализм стал монополистическим. *Второе*, он стал государственно-монополистическим.

Это значит, что, *во-первых*, в старых странах капитализма место свободной рыночной конкуренции заняло господство монополий. Монополии вытеснили свободную конкуренцию, следовательно, более важную роль в управлении процессами производства, обмена, распределения и потребления стал играть не рынок с его объективными экономическими законами, а монополии, действия которых основываются не на требованиях объективной необходимости, а на субъективных желаниях монополистов. Рыночные принципы отношений и рыночные законы стали играть второстепенную роль. *Во-вторых*, если до 1930-х годов государство принимало минимальное участие в экономике, то позже оно стало важнейшим экономическим субъектом. Естественно, оно в управлении общественным производством руководствуется не рыночными экономическими законами, а субъективными мнениями чиновников. Роль рынка еще больше сжалась и стала играть третьестепенную роль. Полноценная рыночная экономика исчезла, так как «рыночная экономика возможна только тогда, когда никто не претендует на всеведение» [11. С. 38].

В России в связи с переходом к рыночным отношениям нужно было определить особенности будущей системы. В начале 1990-х годов в России шла дискуссия по поводу выбора модели экономики для страны. «С самого начала конкурировали три принципиально разные модели — развитие частно-предпринимательской деятельности и конкурентных рыночных институтов, формирование финансово-промышленных групп ..., а также дирижистская модель — усиление прямого государственного влияния на развитие экономики». В настоящее время утвердилась вторая модель, «причем ключевую роль в экономическом развитии играют финансово-промышленные группы с государственным участием» [15. С. 6]. В целом следует согласиться с данной точкой зрения. Но, по нашему мнению, здесь недооценивается роль государства в отечественной экономике. Оно представлено не только в виде смешанных государственно-частных предприятий, но и в виде государственных унитарных предприятий, прямого и косвенного государственного регулирования, государственных финансов и кредитных организаций и т.д. То есть, безусловно, существуют явные элементы дирижизма. В России «государство выступает главным агентом развития, стереотипно воспроизводит (с некоторыми современными нюансами) советский подход» [23. С. 117]. Хотя в период реформ в России господствовала идеология рыночного фундаментализма, отвергающая целесообразность государственного регулирования экономики [6. С. 206], на практике сейчас определяющее значение приобрели выдвигаемые государством девять национальных целей, двенадцать национальных проектов, 76 федеральных проектов и т.д. « Это та матрица, тот каркас, на базе которой мы и будем работать эти годы» [5].

За названиями «финансово-промышленные группы» («ФПГ»), «крупные корпорации» скрывается социально-экономическая сущность предприятий, которые являются *капиталистическими монополиями*. В научной литературе при рассмотрении факторов экономического роста, современная экономическая теория учитывает в основном технологические, экологические, институциональные факторы [8]. В. Полтерович показывает влияние на экономический рост «культурных, институциональных факторов, технического прогресса и уровня благосостояния» [18] и т.д. В то же время крайне принижена *социально-экономический фактор*, а именно роль монополий в экономике. О них лишь иногда упоминается, и то, между прочим.

В данной статье использован классический политэкономический подход — влияние на проблему бедности особенностей производственных отношений. Несмотря на то, что современную экономику, в том числе и в России, называют рыночной, в действительности частно-предпринимательская деятельность и конкурентные рыночные институты подавлены, во-первых, монополиями (хотя полностью при капитализме рыночную конкуренцию ликвидировать нельзя), в том числе ФПГ, и, во-вторых, государством. Но важно то, что «экономические и политические решения принимаются в интересах в первую очередь крупнейших предприятий (монополий — Ю. Л.) при поправлении интересов остальных» [19. С. 149]. Следовательно, «Россия характеризуется

чрезвычайно высокой и беспримерной на уровне других ведущих стран степенью олигархичности» [19. С. 151]. Таким образом, не рынок, а, с одной стороны, монополии, или «гегемония финансового капитала» [3. С. 133], а с другой стороны, государство играет ключевую роль в современной экономике.

Современная социально-экономическая система, являясь капиталистической, весьма существенно отличается от классического капитализма, капитализма свободной конкуренции (КСК). КСК был монолитной, однородной экономикой. Отношения между экономическими субъектами строились почти исключительно на рыночных принципах. Единым и единственным регулятором экономических отношений был рынок, естественные для капитализма объективные рыночные экономические законы.

В современной экономической системе, без сомнения, присутствуют рыночные элементы (в отличие, например, от социалистической системы), в том числе и экономические законы. Однако В. Ленин подчеркивал, что «хотя товарное производство по-прежнему «царит» и считается (именно «считается», а не является — Ю. Л.) основой всего хозяйства, но на деле оно уже подорвано ...» [12. С. 22]. С каждым годом все более удушающее влияние на рыночную систему, в том числе и на доходы экономических субъектов немонополизированного сектора, влияют искусственные: *нерыночные* (государство) и *антирыночные* (монополии) элементы производственных отношений. *Искусственные* (противоестественные) производственные отношения — это такие отношения, которые, благодаря субъективным желаниям представителей отдельных экономических субъектов, приводят к последствиям, не соответствующим объективным экономическим законам рынка. Такими субъектами вместе с монополиями становится и государство и их представители (монополисты и чиновники).

При свободной конкуренции действиями экономических агентов (субъектов) управляла «невидимая рука» рынка, «стихийное действие экономических законов» [1. С. 174]. В условиях господства монополий, с одной стороны, монополии захватывают экономическую, а затем и политическую власть (финансовая олигархия). С другой стороны, государство, имея политическую власть, использует ее субъективно в экономической сфере вопреки экономическим законам. Некоторые авторы с известной долей издёвки заявляют: «невидимая рука рынка, чем дальше, тем больше указывает не в ту сторону» [3. С. 132]. По нашему мнению, это неверная оценка действия экономических законов. Экономические законы и, соответственно, «невидимая рука» «не виновата» в том, что она «показывает не в ту сторону». Здесь удобно сравнить «невидимую руку» с компасом. Хороший, «правильный» компас тоже в определенных условиях показывает «не в ту сторону», например, в условиях магнитной аномалии. Современная система — это общественно-экономическая формация «перекошенных» производительных сил [3. С. 132] и социально-экономической аномалии. В условиях

искусственного управления экономикой (монополиями и государством) «невидимая рука» не может работать нормально. В нерыночных и антирыночных условиях она не может повлиять на действия этих субъектов в направлении требований экономических законов. Например, в области ценообразования законом цен при КСК являлся закон стоимости. Монополии (монопсонии) и государство могут устанавливать и удерживать на неизменном уровне цены товаров вопреки закону стоимости. При этом «невидимая рука» вынуждена «терпеть» такое поведение указанных субъектов на рынке, способствуя нерыночному обогащению одних и обнищанию других (предприятий и граждан страны). Монополии и государство препятствуют свободному межотраслевому переливу капиталов, формируя нерациональную отраслевую структуру и т.д.

В результате установления господства монополий и новой роли государства старая *монолитная* система КСК в 20 веке распадается на три противоречивые части, образуя сложную, трехслойную, *трехчастную* современную капиталистическую экономическую систему. *Первой* из трех частей следует назвать остатки полуразрушенного фундамента старой, рыночной системы, после того как в нее вторглись искусственные элементы — монополии и государство. Тем не менее, следует сказать, что в современной экономической системе сохранился ущербный, *условно рыночный сектор*, который представлен немонополизированными предприятиями: крупными, средними и малыми. Они являются аутсайдерами в экономике.

Второй частью исторически стал *монополистический сектор*. Монополии, используя свое господство в экономике, осознанно совершают действия, противоречащие не только рыночным законам, но и интересам страны и ее граждан. Это первая «искусственная рука; рука монополий, враждебная рынку». Монополии формируют *антирыночный сектор*, паразитический сектор на теле рыночной экономики.

Третья часть — государственный сектор экономики. После великой депрессии государство стало *нерыночным* экономическим субъектом. Это вторая «искусственная рука», или, по мысли Д. Кейнса, «рука государства», спасающая от провалов рынка» [цитируется по 9; 15].

Образование дефицита капитала в реальной экономике. Вначале рассмотрим понятия «капитала» и два его вида: производительный и спекулятивный, а также «реальная и финансовая экономика». Во-первых, «капитал» будем понимать как стоимость, приносящую прибавочную стоимость, а прибыль как превращенную форму прибавочной стоимости. Во-вторых, настоящий «капитал» есть самовозрастающая стоимость. *Возрастание* капитала необходимо рассмотреть с точки зрения принадлежности его к двум частям экономики: реальной и спекулятивной.

По российской традиции будем различать такие понятия как «деньги», «финансы» и «кредит» (в западной науке их часто отождествляют). *Реальная экономика* включает в себя две основные сферы: производство товаров и торговлю ими. В рамках реальной экономики есть финансовая система. Она связана с образованием бюджетов, фондов денежных

средств, (государства, предприятий, семей), предназначенных для производства и потребления. Термин «фонды» подчеркивает, что эти денежные средства не могут быть использованы в коммерческих целях, в частности для спекуляций. За рамками реальной экономики находится, например, банковский сектор. В этом секторе нет ни производства, ни торговли товарами. Там, как говорят, «деньги делаются из денег или из воздуха», т.е. путем спекуляций деньгами. Поэтому, исходя из определения финансов, банковская система не может относиться к финансам. Было бы правильным назвать ее *спекулятивной* системой. Финансовая же экономика должна называться не финансовой, а *«спекулятивной экономикой»*, капитал, занятый в этой сфере, соответственно, не финансовый, а *спекулятивный капитал* (в отличие от производительного капитала в реальной экономике).

В этих двух разных частях экономики принципиально по-разному возрастает капитал. В реальной экономике с помощью капитала создаются блага и вместе с тем стоимость и прибавочная стоимость. Обратное превращение части прибавочной стоимости в дополнительные элементы постоянного и переменного капитала, т.е. *накопление капитала* (инвестиции), его вложение в рост и модернизацию производства есть накопление или *самовозрастание* капитала, которое ведет к росту, как каждого капитала, так и капитала страны в целом. Экономика растет и развивается.

Отдельный спекулятивный капитал тоже может расти, но по-иному, а именно за счет уменьшения какого-либо другого спекулятивного капитала (один выигрывает, другой столько же проигрывает). Поэтому рост выигравшего капитала нельзя назвать *самовозрастанием* капитала. Спекулятивный капитал не создает ни стоимости вообще, ни прибавочной стоимости в частности, значит, самовозрастания капитала там нет. Нет и самовозрастания всей массы спекулятивного капитала за счет роста каждого капитала, в отличие от реальной экономики и производительного капитала. Рост денежной массы в спекулятивной экономике может происходить только путем перетягивания (перераспределения) в нее денег из реальной экономики (сообщающиеся сосуды). Других источников роста размеров спекулятивной экономики, очевидно, нет. К сожалению, деньги движутся в основном в одном направлении — из реальной экономики в спекулятивную, все больше ущемляя реальную экономику [5. С. 57, 153]. К настоящему времени спекулятивная экономика раздулась до недопустимых размеров. В России сегодня более трех четвертей денежной массы страны сосредоточилось в этой сфере [13. С. 48; 2]. Такое распределение денежной массы страны между двумя частями экономики справедливо называют диспропорцией. Подобное наблюдается во всех старых странах капитализма.

Гипотеза об образовании спекулятивной экономики. Спекулятивные операции не приносят обществу плодов в виде традиционных товаров и услуг. Деньги, занятые спекулятивными операциями, в этом смысле бесплодны. При КСК доля спекулятивных операций была мала и не

могла составлять целую спекулятивную экономику. Сокровищ тогда капиталисты также не накапливали. Наоборот, конкуренция заставляет капиталиста «постоянно расширять свой капитал ... посредством прогрессирующего накопления» [14. С. 606]. Прогрессирующее *производственное накопление капитала* это объективный экономический закон капитализма (не путать со всеобщим законом капиталистического накопления). Он субъективно проявляется в виде всепоглощающей страсти каждого предприятия, каждого предпринимателя к увеличению своего капитала, к обогащению.

В период КСК практически весь национальный доход (вновь созданная стоимость или, в денежном выражении — доходы с капитала + трудовые доходы) распадался на фонд потребления и фонд накопления. Сокровищ не создавалось. Определенная, максимально возможная часть прибавочной стоимости постоянно превращалась в производственные инвестиции. Остальная, минимальная часть прибавочной стоимости, расходовалась капиталистами на личное потребление. Конечно, вместе с грязным скряжничеством и мелочной расчетливостью растет и расточительность капиталиста, но это не мешает возрастанию каждого капитала [14. С. 607]. При таком отношении к накоплению капитала экономика быстро росла. Важно иметь в виду, что тогда действовал и закон средней прибыли. Средней прибыли всегда было достаточно и для роста потребления, и *роста накопления капитала* подавляющего большинства капиталистов.

В современной экономике положение в корне изменилось по причине превращения рыночной экономики в условно-рыночную, в том числе исчезновения свободной конкуренции, средней прибыли и, вместе с тем, закона накопления капитала (производственных инвестиций). Вместо превращения части прибавочной стоимости в *производительный капитал* происходит ее превращение в *спекулятивный капитал*, что ведет к росту спекулятивной экономики и стагнации реальной экономики.

В период КСК банки выполняли роль скромных посредников, превращающих бездействующий денежный капитал в действующий. Тогда банковские спекуляции включались в структуру реальной экономики. Но постепенно крупнейшие банки начинают получать огромные прибыли. Например, «Сбербанк поставил перед собой цель заработать в 2020 году один триллион рублей чистой прибыли» [4. С. 3]. Можно уверенно прогнозировать, что валовая прибыль всех предприятий страны в 2020 г. составит около 50 трлн руб. (в 2018 г. она составляла 43,5 трлн руб.) [16]. Констатируем, что чистая прибыль всего одной организации (Сбербанка), которая «ни сеет и не пашет», получит 2% валовой прибыли 6 млн предприятий целой страны. «Большая часть этих денег не направляется банками на кредитование производственной сферы и зависит на финансовом рынке» [6. С. 15].

С одной стороны, монополии начинают эксплуатировать многочисленные конкурентные предприятия (аутсайдеров), присваивая часть их прибавочной стоимости в виде монопольной сверхприбыли. У аутсайдеров

становится меньше доходов, в том числе уже нет нормальной (средней) прибыли. В России статистическая средняя норма прибыли, где суммируются прибыли монополий и аутсайдеров, по народному хозяйству («средняя температура по больнице») равна 8% [21. С. 9]. Из этого следует, что в группе аутсайдеров норма прибыли стремиться к нулю. Поэтому никакие меры искусственного государственного стимулирования частных инвестиций, не дадут искомого результата. Накопление капитала невозможно, и его не будет. У аутсайдеров нет *основного орудия*, главного аргумента в конкурентной борьбе — самовозрастающего капитала. А с голыми руками бороться с другими аутсайдерами, а тем более с монополиями невозможно. В результате, в немонополизированном секторе в целом исчезает конкуренция и способность к росту и развитию. Преодолеть здесь стагнацию можно было бы только при условии роста доходов (и прибыли) предприятий.

С другой стороны, в последней четверти 19 века начал формироваться монопольный сектор. Монополии, захватывая рыночную власть, вначале энергично развивались, в том числе и в области самых современных технологий. Во-первых, тогда сильны были еще традиции рыночной экономики, в частности, рыночной конкуренции. Во-вторых, монополии получали огромные прибыли (за счет сверхприбыли), часть которых тогда еще направлялись на развитие производства. Но уже к концу 19 века в отдельных отраслях промышленности, как подчеркивал В. Ленин, начала проявляться «тенденция к застою и загниванию, свойственная монополии» [12. С. 88]. И современные монополии вредны не только потому, что они производят товары низкого качества и продают их по завышенным ценам, но и потому, что у них нет стимула к инновациям, так как перед ними не стоит угроза потерять рынок, который захватят конкуренты, внедряющие новые технологии [8. С. 26].

Производство в монопольном и немонопольном секторах продолжалось, но значительная часть получаемых предприятиями доходов выводилась из сферы производства, из реальной экономики, превращаясь в имущество непроизводственного назначения. Французский экономист Т. Пикетти в известном труде «Капитал в XXI веке» показывает и динамику такого накопления. При этом он использует важный для анализа распределения национального дохода коэффициент β = «капитал/доход» (*капиталом* он называет все накопленное в стране имущество, в том числе и производственные мощности, а *доходом* — национальный доход) на больших промежутках времени в масштабе ряда стран мира. В статье приведена авторская интерпретация динамики β , которая может многое прояснить в современной экономике. При КСК, когда еще не было паразитического потребления капиталистами, прибыль фирм использовалась (кроме личного потребления капиталистов) в основном для производственного накопления капитала. Вместе с ростом накопленного *производственного* имущества пропорционально росли ВВП и национальный доход. Поэтому коэффициент β был стабильным и при простом и при расширенном воспроизводстве. Но если накопленное имущество

растет, а производство стагнирует, то это означает, что накопленное имущество становится *непроизводственным*. Оно покидает рамки реальной экономики [17. С. 44]. Наоборот, если темпы роста производства возрастают (за счет ускоренного роста производственного имущества), тем меньше становятся объемы накопленного непроизводственного имущества, тем меньше β [17. С. 172].

В развитых странах коэффициент β начал быстро расти с возникновением монополий. Постепенно происходило пресыщение монополистов недвижимостью, сокровищами, но постоянно получаемые сверхприбыли нужно постоянно было куда-то размещать. «Излишние сверхприбыли» нашли себе другое применение — они стали поступать в спекулятивную экономику, в которой обращаются деньги и ценные бумаги. *Спекулятивная экономика* включает в себя разросшуюся банковскую систему, вторичный рынок ценных бумаг, валютные рынки, игровой бизнес и т.д., а теперь еще и рынок криптовалют. Таким образом, монопольная сверхприбыль направляется в *два резерва-накопителя*: одна часть превращается в избыточные материальные ценности (паразитическое потребление); вторая поступает в спекулятивную экономику. Числитель коэффициента β возрастает намного быстрее, чем национальный доход.

Так, в странах Европы (Германии, Франции, Великобритании) уже на рубеже XIX–XX веков величина β была равна 6–7. Потрясения 1914–1945 годов привело к сокращению β до 2–3. Затем наблюдался постоянный рост β , и к началу XXI века β составляет 5–6 единиц [17. С. 43]. Это означает рост спекулятивной экономики и пропорциональное уменьшение темпов роста реальной экономики. Сегодня объем спекулятивной экономики, как сказано выше, в денежном выражении более чем в 3 раза превышает объем реальной экономики. Если бы в России вместо спекулятивной экономики эти деньги обслуживали реальную экономику, то темпы роста ВВП, качество и структура продукции были бы в несколько раз выше, чем теперь. И тогда не возникла бы проблема национальной бедности.

Далее, схематически представим механизм распределения между тремя секторами прибавочной стоимости, созданной в немонополизированном секторе экономики. Монополии с помощью их специфических методов на рынках страны присваивают основную часть прибавочной стоимости аутсайдеров в форме монопольной сверхприбыли, которая затем утекает в резервы-накопители. Это — первая, грубая зачистка доходов аутсайдеров. Затем в дело вступает государство, осуществляя с помощью налогов и платежей вторую, тонкую зачистку, доходя до каждой фирмы, до каждого гражданина. Эти деньги поступают в госбюджет и другие государственные фонды. Те доходы, которые до конца не «зачистили» монополии, «зачищает» государство. И наоборот. В итоге этих зачисток у фирм не остается средств не только на достойную заработную плату, но часто даже на личное потребление капиталистов и предпринимателей. Для инвестиций на развитие средств уже не остается (порой не хватает средств для реновации основных фондов).

Путь прибавочной стоимости от аутсайдеров до спекулятивной экономики — дорога с односторонним движением. Присвоенные монополиями средства в реальную экономику и в бюджет государства не возвращаются. Более того, если у предприятий-монополий возникают материальные трудности, то мажоритарные хозяева предпочитают решать их не за счет своих резервов, а за счет средств государственного бюджета и фондов центробанков [10. С. 15]. Поэтому в немонополизированном секторе образуется огромная, многомиллионная армия бедных аутсайдеров в виде малых предприятий (МП). Но это не есть достоинство современной системы, как многие себе представляют, когда придумывают для МП положительные свойства, а ее порок. Он характерен не только для России. «Малый бизнес в Европе по статистике составляет от 70% до 90% всех предприятий. Более половины населения стран Евросоюза работает в этой сфере». В Германии доля малых предприятий (по их критериям малого бизнеса) составляет 99,7%⁵. В США 30 млн малых предприятий формируют 2/3 рабочих мест [7. С. 15]. В этом (условно-рыночном) секторе не хватает капиталов — основного оружия для конкуренции. А если нет капиталов и рыночной конкуренции, значит, нет и настоящей рыночной экономики. Поэтому «не работают» объективные рыночные законы, такие как закон стоимости, закон средней прибыли, закон производственного накопления и др. Например, в рыночной экономике огромное число МП в соответствии с законом стоимости в короткое время переродилось бы в меньшее количество крупных высокотехнологичных предприятий. Но поскольку нет полноценной рыночной экономики, то нет и не может быть развития, технологического прогресса. Половина населения занята примитивным малопродуктивным трудом. Не может расти заработная плата, а, следовательно, благосостояние народа.

Монопольный сектор по своей природе тоже не может развиваться. Таким образом, частная экономика, представленная монополистическим и немонополизированным секторами, не работает. Отчасти может эффективно работать госсектор, но он один не может обеспечить быстрый рост и развитие всей экономики, рост количества занятых и величины заработных плат.

В категориях макроэкономики эта ситуация выглядит следующим образом. Экономическая политика монополий и государства ограничивает или снижает доходы граждан и фирм, что приводит к сокращению потребительского спроса со стороны граждан и инвестиционного спроса со стороны фирм (в том числе монополий), и в итоге к снижению совокупного спроса. А поскольку предложение товаров зависит от спроса, постольку сокращается и совокупное предложение. Общественное производство замедляется, стагнирует.

Власти пытаются сегодня «разогнать» экономику в основном путем роста государственных инвестиций и стимулирования частных инвестиций с помощью вливания средств для инвестиций в частный малый и

⁵ <https://vawilon.ru/statistika-biznesa/Статистика бизнеса>.

средний бизнес бюджетных средств. Но возбудить частные инвестиции подобным образом невозможно. Изобразим кратко воспроизводственный цикл на отдельном производственном предприятии: «инвестиции — производство — продажа товара — получение дохода». Когда размер дохода, в том числе прибыли, малы, то новых инвестиций для развития не будет, независимо от величины первоначальных инвестиций. Единственный способ стимулирования частных инвестиций — это обеспечение бизнесу достаточного дохода, в том числе средней прибыли и восстановление рыночной конкуренции. Таким образом, стимулирование частных инвестиций полезнее начинать с конца воспроизводственного цикла, а не с начала, так как именно на последней стадии начинает реализовываться высшая цель капиталиста — самовозрастание его капитала (обогащение). Следует поэтому не усиливать бедность аутсайдеров (поощрением монополий и ростом налоговой нагрузки), а наоборот — обеспечить им достаточную величину прибыли для возможности роста инвестиций.

Но для этого придется разрушить старую систему и создать новую, в которой не будет места хозяйственным монополиям. Их нужно ликвидировать и ввести запрет на создание новых.

Антимонопольную политику государства иногда понимают как борьбу с монополиями. Это совершенно не верно. Это борьба не собственно с монополиями, а со злоупотреблением монопольной деятельностью. Но еще ни одно монопольное предприятие по воле государства не исчезло. Более того, власти всеми силами поддерживают монополии. В то же время руководитель ФАС И. Артемьев, который лучше многих других понимает губительную роль монополий, и низкую эффективность антимонопольного регулирования, считает, что у монополий (крупных корпораций) «очень много преференций и особенностей, и они используют преимущества, убивая конкурентов»⁶. Поэтому он предлагает «уничтожить российские госкорпорации — перевести в другие организационные формы. Они должны стать простыми акционерными обществами без привилегий»⁷. Это справедливо, но, по нашему мнению, такая судьба должна постигнуть и частные монополии, так как они еще более негативно влияют на экономику, подавляют конкуренцию и т.д.

Если государство сумеет уничтожить монополии, оно достигнет сразу двух одноименных целей. Во-первых, в монопольном секторе восстановится *рыночная конкуренция* и нынешние монополисты (так называемые «капитаны бизнеса») вынуждены будут выживать, и зарабатывать доходы не с помощью монопольной власти, а собственными предпринимательскими способностями в настоящей конкуренции с другими конкурентными фирмами, инвестируя прибыли в производство, максимально расширяя и совершенствуя его. Во-вторых, в сегодняшнем условно-рыночном секторе появятся *рыночная конкуренция* и капиталы. Бывшие аутсайдеры смогут становиться настоящими капиталистами (капитанами

⁶ <https://www.rbc.ru/economics/29/08/2019/5d67b5189a7947c443d15ea9>.

⁷ Там же.

бизнеса), стремящимися обогатиться путем роста и совершенствования своего и отечественного производства.

Таким образом, вместо трех секторов экономики останется только два: частный, который станет конкурентным и государственный. До минимума сократится спекулятивная экономика и почти все деньги станут «работать» в реальной экономике. Будет создана реальная материальная основа для роста доходов не только предпринимателей, но и всего народа. Во-первых, рост производства и спроса на рабочую силу будет способствовать росту зарплаты, во-вторых, сразу сократится разрыв между богатыми и бедными, в-третьих, при активной роли государства проще регулировать уровни доходов разных слоев населения.

Таким образом, для ускорения роста экономики и сокращения бедности в стране надо, во-первых, ликвидировать антирыночный монопольный регулятор, во-вторых, сократить искусственное госрегулирование. Исторический опыт КСК показывает, что «запуск» естественных механизмов рыночного регулирования и стимулирования экономики способно разрешить множество современных экономических и социальных проблем.

Литература

1. Аникин А. В. Юность науки // М.: Политиздат, 1985. 367с.
2. Бодрунов С. Диспропорция между финансовым капиталом и реальным сектором // Журнал «Вольная экономика». 23 ноября 2018. <https://zen.yandex.ru/media/freesconomy/disproporcii-a-mejdu-finansovym-kapitalom-i-realnym-sektorom-5bf81a91b6094100a9feae04>. — Дата обращения: 27.02.2020.
3. Бузгалин А. В. Закат неолиберализма (К 2000-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122–147.
4. Взять триллион // Российская газета. 2018. №12 (7475). 22 января.
5. Выступление Дмитрия Медведева на пленарном заседании. Российский инвестиционный форум «Сочи-2019» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/news/35726/>. Дата обращения: 27.02.2020. Загл. с экрана.
6. Глазьев С.Ю. Битва за лидерство в XXI веке. Россия — США — Китай. Семь вариантов обозримого будущего. («Коллекция Изборского клуба») // М.: Книжный мир, 2017. 352 с.
7. Заболоцкая В. Государственные программы поддержки малого бизнеса в США // МЭиМО. 2019. Том 3. №12. С. 15–22.
8. Замулин О.А., Сонин К.И. Экономический рост: Нобелевская премия 2018 года и уроки для России // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 11–36.
9. Клейнер Г. Б., Щепетова, С.Е., Щербаков Г.А. Системные механизмы координации участников инновационной деятельности // Экономическая наука современной России. 2017. № 4(79). С. 19–33.
10. Князев. Ю. Можно ли распознать черты будущего в настоящем? // Общество и экономика. 2020. №1. С. 5–21.
11. Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим / пер. с англ. // М.: Новое издательство, 2016. 386 с. (Библиотека свободы).
12. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // М.: Политиздат, 1986. 125 с.
13. Лиференко Ю. В. Новый взгляд на денежные резервы и их роль в реальной экономике // Финансы и кредит. 2014. № 37(613). С. 42–53.
14. Маркс К. Капитал. Т. 1 // М.: Политиздат. 1973. 907 с.

15. *Мау В. А.* Национальные цели и модель экономического роста: новое в социально-экономической политике России в 2018–2019 гг. // Вопросы экономики. 2019. № 3. С. 5–28.
16. Национальные счета России в 2014–2018 годах: Стат. сб. // Росстат. М., 2019. 245 с.
17. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке // М.: Ад Маргинем пресс, 2016. 592 с.
18. *Полтерович В. М.* К общей теории социально-экономического развития / ч. 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. 2018. № 12. С. 77–102.
19. *Рахманов А. Б.* Бизнес-элиты ведущих стран мира в 2019 году // Вопросы экономики. 2019. № 12. С. 141–154.
20. *Ржаницына Л. С.* Бедность в Москве: методы измерения, оценки уровня и пути снижения // Вестник Института экономики РАН. 2018. № 2. С. 68–84.
21. *Чуйков А.* Дойные коровы Арктики // Аргументы недели. 2020. № 7 (701), 26 февраля.
22. *Чуйков А.* Съели Россию офшорные волки // Аргументы недели. 2020. № 6 (700), 19 февраля.
23. *Швецов А. Н.* Стратегическое планирование по-российски: торжество централизованного бюрократического выбора // ЭКО. 2017. № 8 (518). С. 114–127.
24. *Ю, Ли Куан.* Из третьего мира – в первый. История Сингапура (1965–2000) / пер. с англ. Александра Боня. 6-е изд. Гл. 7. // М.: Манн, Иванов и Фербер. 2018. 576 с.

Yu. Liferenko (e-mail: Liferenko69@yandex.ru)

Ph.D. in Economics.

Associate Professor, Department of economic theory,
Tver State University (Tver)

GENERALIZED POVERTY AND THE WAYS TO ELIMINATE IT

The author maintains, that today the poverty of the population in Russia is one of the most acute economic, social, political, and, consequently, scientific problems and the adequate methods of tackling it have not been worked out so far. It is suggested that our understanding of the poverty causes be refined by investigating the peculiarities of the existing socio-economic system, for some of them weaken the economy and impoverish people.

Keywords: poverty, monopoly and competition, socio-economic structure, distribution of national income, profit, wages and investments, speculative economy.

DOI: 10.31857/S020736760009182-9